

Сы Уцзюэ пробыл в госпитале совсем недолго. Едва ли прошел час, как он уже покинул здание.

Стоило ему уйти, как среди врачей мгновенно разгорелись пересуды.

— Слыхали? Этот знахарь уже сбежал! И сколько он тут пробыл?

— От силы час. Ха! И это если считать то время, пока пациентов перетаскивали. Получается, на само лечение он потратил от силы минут двадцать. И они хотят сказать, что за двадцать минут можно вытащить людей с того света? Смех да и только!

— Вот именно. В наше время эти шарлатаны совсем распоясались, человеческая жизнь для них — копейка. Ума не приложу, как военные вообще на такое согласились. А ведь те двое — настоящие герои. Помяните мое слово, не выкарабкаются они.

— Да уж, бедолаги...

Доктору не было дела до больничных сплетен. Даже если бы до него дошли эти пересуды, он бы и бровью не повел. В отличие от скептически настроенных врачей, Янь Чуаньюнь верил Божественному доктору безоговорочно. Раз Сы Уцзюэ сказал, что всё обойдется, значит, так оно и будет.

— Едем за Да Хуа? — спросил Янь Чуаньюнь, когда они вышли на улицу.

Сы Уцзюэ коротко кивнул:

— Да, едем.

Они направились к загородной вилле. Питон в этот раз купался долго, а потому пребывал в превосходном расположении духа. Стоило мужчинам подойти, как огромный змей ласково потерся о них чешуйчатой головой.

Но стоило им расслабиться, как с противоположного берега озера донесся испуганный вскрик. Обернувшись, они увидели молодого парня с зеркальным фотоаппаратом в руках. Судя по всему, тот снимал пейзаж, случайно поймал в объектив исполинского питона и теперь застыл от ужаса.

— Я разберусь, — негромко произнес Янь Чуаньюнь.

Сы Уцзюэ лишь молча кивнул в ответ.

После того как Да Хуа благополучно устроился в просторном багажнике, Янь Чуаньюнь сам

сел за руль. Своего личного водителя он отправил на противоположный берег — уладить недоразумение с фотографом.

Тот парень на берегу действительно сначала испугался до полусмерти. Он уже приготовился запечатлеть на камеру кровавую расправу чудовища над людьми, но вместо этого увидел, как исполинский гад ластится к ним, словно домашний пес.

Когда роскошный автомобиль тронулся с места, до парня наконец дошло: змея-то ручная! А это же готовая сенсация! Невероятный эксклюзив! Мало того, что машина баснословно дорогая, так еще и один из мужчин в кадре — писанный красавец. Такое лицо, такой колоссальный питон... Залей он эти кадры в сеть, просмотры взлетят до небес!

Поскольку парень зарабатывал на жизнь поиском горячих инфоповодов, он сразу понял, что в его руках оказался золотой материал. Но стоило ему обрадоваться, как к нему приблизился крепкий мужчина в неприметной спортивной одежде.

Парень насторожился и сделал шаг назад.

— Ты кто еще такой? — недовольно спросил он.

— Камеру сюда, — ледяным тоном потребовал тот. — Я удалю снимки.

— С какой стати?! — возмутился фотограф, инстинктивно прижимая аппарат к груди. — Моя камера, мои снимки. Ты не имеешь права!

— Ты нарушил закон о неприкосновенности частной жизни. Либо стираешь всё при мне, либо мы решаем этот вопрос в суде. Выбирай.

— Пугать меня вздумал? — осклабился парень. — Какой еще суд? Я снимал пейзаж! Ну попали люди в кадр случайно, и что? Я эти карточки использовать не собирался. Какое тут к черту вторжение?!

Естественно, о своих планах сорвать куш в сети он распространяться не стал.

Видя, что парень уперся рогом, водитель не стал тратить слова. Он просто шагнул вперед и протянул руку к ремню камеры.

Фотограф так и застыл. Он и подумать не мог, что незнакомец решится на открытый грабеж среди бела дня. Парень открыл было рот, собираясь позвать охрану, но не успел — короткий, выверенный удар под дых мгновенно выбил из него весь воздух.

— А-ах!... — он кулем рухнул на траву, согнувшись пополам от острой боли.

Мужчина без труда забрал аппарат. Он не просто очистил карту памяти — он методично, на глазах у владельца, раздавил дорогой объектив тяжелым ботинком, а корпус швырнул в воду.

— Ты... ты безумец! — прохрипел парень сквозь слезы. — Я полицию вызову!..

— Не утруждайся, — сухо ответил громила. — Ущерб за камеру и твоё лечение я компенсирую в полном объеме. Хочешь заявить? Давай я сам наберу.

И он действительно спокойно достал телефон и вызвал наряд. Пострадавший только рот раскрыл от такой наглости.

Но настоящий шок ждал его в участке. Вместо сочувствия он едва сам не загремел под арест по обвинению во вторжении в частную жизнь высокопоставленных лиц и незаконной съемке на охраняемой территории. Только тогда незадачливый папарацци понял, какое осиное гнездо поворошил палкой.

Со сломанным ребром ему пришлось пролежать в больнице две недели. Обидчик действительно оплатил все счета до последнего юаня, вот только назвать эти две недели легкими язык бы ни у кого не повернулся. Парень не раз и не два проклял тот миг, когда решил расчехлить объектив у озера. Но дело было сделано.

Впрочем, всё это случилось позже.

Тем временем Янь Чуаньюнь и Сы Уцзюэ вернулись в Сыхэюань.

— Что ж, Божественный доктор Сы, тогда я поеду? — с улыбкой спросил Янь Чуаньюнь, придерживая дверцу машины.

Сы Уцзюэ, словно вспомнив о чем-то, остановил его:

— Погоди. Кое-что заберешь с собой.

Янь Чуаньюнь удивленно моргнул, но послушно пошел следом вглубь усадьбы. Пройдя в южный дворик, он с любопытством наблюдал, как хозяин срывает с целебного куста несколько сочных листьев.

— Ох, у меня сегодня с собой нет наличных, — рассмеялся Чуаньюнь. — Завтра обязательно завезу плату.

Сы Уцзюэ посмотрел на него долгим, нечитаемым взглядом и едва заметно качнул головой:

— На этот раз не нужно.

— Хм? Не нужно? — опешил Янь Чуаньюнь.

Не успел он договорить, как Сы Уцзюэ поднес один из листков прямо к его губам. Чуаньюнь замер от неожиданности и чисто инстинктивно приоткрыл рот.

Сы Уцзюэ мягким, почти невесомым движением вложил целебный лист ему в рот. В то же мгновение Янь Чуаньюнь ощутил, как кончик его языка задел подушечки чужих пальцев. Шелковистая, едва уловимо прохладная кожа.

Стоило Чуаньюню осознать это, как краска мгновенно бросилась ему в лицо, а кончики ушей предательски вспыхнули пунцовым.

Сы Уцзюэ не упустил из виду эту реакцию. Его взгляд на мгновение потемнел, наливаясь глубоким, тягучим вниманием.

Чуаньюнь принялся торопливо разжевывать лист, упорно глядя куда угодно, лишь бы не пересекаться глазами с доктором. Но тот уже подносил к его губам второй листок. И Янь Чуаньюнь послушно принял и его.

Воздух между ними будто сгустился, пропитавшись томительным, почти осязаемым напряжением. И неизвестно, чем бы закончилась эта сцена, если бы во двор с громким сопением не ворвались Да Хэй и Сяо Хэй.

Громкий топот медвежьих лап мгновенно разрушил чары. Янь Чуаньюнь вздрогнул, поспешно отступил на шаг и кашлянул, пытаясь вернуть самообладание.

— Спасибо за лекарство, Божественный доктор Сы. Значит, эти листья для дедушки с бабушкой?

Сы Уцзюэ кивнул:

— Да. Пусть примут перед сном.

— Хорошо, я понял. Тогда... я, пожалуй, пойду.

— Ступай, — негромко отозвался хозяин усадьбы.

Только отъехав от сыхэюаня на приличное расстояние, Янь Чуаньюнь почувствовал, как жар наконец отливает от его лица.

Вернувшись домой, он отдал целебные листья дедушке и бабушке. Стоило ему направиться к себе в комнату, как в холл вошел старший дядя, Янь Тинцзюнь.

— Чуаньюнь.

— Дядя, — Янь Чуаньюнь остановился.

— Доктор Сы сегодня действительно был в госпитале? — Судя по всему, новость о чудесном спасении Тощей Обезьяны и его товарища уже долетела до ушей высокопоставленного родственника.

Чуаньюнь кивнул:

— Да, Ян Фань очень просил его о помощи, и доктор согласился. Обоих бойцов уже перевели в обычную палату. Сы Уцзюэ сказал, что они пойдут на поправку.

Янь Тинцзюнь задумчиво покачал головой:

— В искусстве доктора Сы сомневаться не приходится. Вот только, Чуаньюнь, когда эти двое окончательно поправятся, слава о его таланте прогремит на все министерство обороны.

Янь Чуаньюнь предвидел такой исход.

— Знаю. Думаю, доктор Сы тоже это прекрасно понимал, иначе не согласился бы.

— Раз вы оба отдаете себе в этом отчет, хорошо, — вздохнул дядя. — Но помни: больных на свете много, а методы доктора Сы... слишком уж выходят за рамки привычного. Они граничат с чудом. Боюсь, найдутся те, кто захочет получить его услуги силой. А зная характер Сы Уцзюэ, он ни за что не пойдет на поводу у вымогателей. Семья Янь ясно дала понять, что покровительствует ему, и обычные люди не посмеют лезть. Но те, кто стоит на одной ступени с нами, плевать хотели на эти предупреждения. Ты ведь помнишь старейшину Лю?

Семья Лю — еще один титан Столицы, чье влияние превосходило даже позиции семьи Янь. Их корни уходили глубже, а количество людей, добравшихся до самой вершины власти, было больше, чем у Яней. Несмотря на внутренние распри и сложную систему фракций, перед лицом внешней угрозы они всегда выступали единым фронтом. Семья Лю процветала, удерживая негласное первенство среди всех правящих семей Столицы.

С мелкими неприятностями семья Янь могла разобратся играючи, но если семья Лю решит задействовать весь свой ресурс, Яни окажутся бессильны. Сама по себе одна семья Лю, может, и не была приговором, но в кулуарах власти действовало негласное правило: если Божественный доктор сблизится исключительно с семьей Янь, Лю без труда сколотят коалицию с другими влиятельными домами. Раньше у Яней были прекрасные отношения с

семьей Чжан, но после того как Чжан Жуйя разорвала помолвку ради другого, о прежней дружбе можно было забыть.

Янь Тинцзюнь всерьез опасался, что если Лю пойдут напролом, ситуация выйдет из-под контроля.

При упоминании семьи Лю у Янь Чуаньюня тревожно сжалось сердце, а лицо помрачнело.

— Старейшина Лю слег еще четыре года назад. Всё это время его жизнь висела на волоске. Я слышал, последние полгода он вообще не приходит в сознание, его органы поддерживают только аппараты искусственного жизнеобеспечения и тонны дорогостоящих препаратов. Они хотят, чтобы Сы Уцзюэ вернул его с того света?

— Пока старик жив, нынешний глава семьи Лю остается главным фаворитом на грядущих выборах. Так что, ради собственной выгоды и выживания всей семьи, они непременно придут к Божественному доктору. И чем громче будет слава Сы Уцзюэ, чем больше чудес он совершит, тем скорее они постучат в его дверь. Как только те двое военных пойдут на поправку, Лю тут же сделают свой ход. И этот визит не сулит доктору ничего хорошего, согласится он или откажется. Если он действительно исцелит старика Лю, семья осыплет его благами. Но если он потерпит неудачу... вся ярость этой семьи обрушится на его голову. Такова суровая реальность.

Янь Чуаньюнь промолчал, но взгляд его заledenел.

— Разумеется, не нужно паниковать раньше времени, — добавил Янь Тинцзюнь. — В конце концов, мы живем в правовом государстве, и Лю не посмеют действовать совсем уж топорно. Они рвутся к первому креслу в стране, так что любая грубая ошибка с их стороны станет отличным компроматом для конкурентов.

Чуаньюнь лишь скептически покачал головой:

— На таком уровне никто не мараает руки сам. Если они захотят надавить, то сделают это чужими руками.

— Всё верно. Поговори об этом с доктором Сы, — посоветовал дядя после недолгого молчания.

— Нужно хотя бы узнать, что он сам думает по этому поводу.

— Хорошо, завтра же всё ему расскажу.

Вернувшись к себе, Янь Чуаньюнь никак не мог унять глухое раздражение. Появление семьи Лю на горизонте предвещало серьезные неприятности. Но больше всего его бесила сама мысль о том, что Сы Уцзюэ попытаются к чему-то принудить. Одно лишь представление, как этого гордого человека ломают через колено, вызывало у Чуаньюня волну ярости.

В какой-то момент Чуаньюнь замер посреди комнаты.

«Мои эмоции... Не слишком ли остро я реагирую? Почему меня это так задевает?»

Он прошел в ванную и уставился на свое отражение в зеркале. Рука сама собой поднялась, и кончики пальцев робко коснулись губ.

То мимолетное, теплое прикосновение на заднем дворе усадьбы до сих пор отзывалось фантомным покалыванием. Глядя в собственные глаза на стеклянной глади, Чуаньюнь чувствовал, что стоит на пороге какой-то важной разгадки, но сознание всё еще упрямо отказывалось признавать очевидное.

А ночью ему приснился... сон. Сладкий, тягучий, откровенный. Наутро он уже не мог вспомнить деталей или сюжета, но в памяти отчетливо отпечатались руки — безупречные, сильные руки, которые ласкали его так, что он терял волю, полностью растворяясь в чужой нежности и забывая самого себя.

Проснувшись на рассвете, Янь Чуаньюнь обнаружил, что простыни безнадежно испачканы.

Он уронил голову на подушку и горько усмехнулся. Даже в бурные подростковые годы с ним не случалось поллюций из-за глупых снов. Что с ним, черт возьми, происходит? Взрослый, состоявшийся мужчина, а ведет себя как зеленый юнец, сгорая от неловкости... Кажется, он действительно катился назад, теряя всякий контроль над собственным телом.

Утром, когда вся семья Янь собралась за завтраком, Цзян Силян нарушила молчание:

— Отец, мама, Сяо Фэн хочет поступить в военную академию.

Все сидевшие за столом удивленно повернулись к ней. И лишь Янь Чуаньюнь никак не отреагировал — он всё так же молча и безучастно помешивал ложкой остывающую рисовую кашу.

— Сяо Фэн еще слишком мал для этого, — покачал головой старик Янь, бросив беглый взгляд на младшего внука. — Военная академия — это колоссальные нагрузки. Боюсь, его неокрепший организм просто не выдержит.

— Вот именно, — поддержала мужа старушка. — Он ведь только среднюю школу оканчивает. Пусть сначала старшие классы пройдет, а там видно будет. Четырнадцать лет — совсем еще ребенок.

Цзян Силян мягко произнесла:

— Я и сама была против. Но он всё тщательно взвесил. Я честно расписала ему все тяготы службы и возможные последствия, но он остался непреклонен.

Старики переглянулись.

Янь Хуйфэн поднялся со своего стула и твердо произнес:

— Дедушка, бабушка, дядя, тетя... брат. Я всё решил. Я хочу поступить в военную академию.

Старшего брата, Янь Ханя, сейчас в усадьбе не было, так что это обращение предназначалось исключительно Янь Чуаньюню.

— А что говорит его отец? — спросил Янь Тинцзюнь. Под «вторым» он имел в виду своего младшего брата Янь Тинчу.

— Мы созванивались, — ответила Силян. — Он сказал, что примет любой выбор сына.

Тинцзюнь перевел взгляд на племянника:

— Чуаньюнь, а ты что думаешь?

Лицо Янь Чуаньюня оставалось каменным.

— Это меня не касается, — отрезал он ледяным тоном. — Я не собираюсь нести ответственность за чужую судьбу.

За столом повисла тяжелая тишина. Янь Хуйфэн опустил голову, пряча обиду, и крепко сжал губы. В глазах Цзян Силян на долю секунды отразилась глубокая печаль, но она тут же взяла себя в руки.

Янь Чуаньюнь отложил палочки и поднялся из-за стола:

— Я закончил. Приятного аппетита.

Стоило ему покинуть столовую, как Янь Тинцзюнь мягко произнес:

— Сяо Фэн, это решение определит всю твою дальнейшую жизнь. Если ты действительно тверд в своем намерении, семья, конечно же, тебя поддержит.

Мальчик кивнул, не поднимая глаз:

— Спасибо, дядя.

Равнодушие Янь Чуаньюня не было напускным — он действительно не собирался тратить душевные силы на эту ветвь семьи. Прошное оставило слишком глубокие шрамы, чтобы теперь играть в благородство. Покинув усадьбу Яней, он сразу же поехал к Сы Уцзюэ.

Наньгун Хуэй приехал очень рано и, когда Янь Чуаньюнь вошел во двор, уже вовсю занимался сортировкой лекарственного сырья.

— Второй молодой господин, Божественный доктор во внутреннем дворе, — почтительно поздоровался он.

Чуаньюнь кивнул и прошел дальше.

Каково же было его удивление, когда он застал Сы Уцзюэ за... ноутбуком.

Эта картина казалась до крайности сюрреалистичной. Человек, который обычно листал пожелтевшие древние фолианты и во всем придерживался старинного уклада, вдруг сосредоточенно кликал мышкой. Чуаньюнь невольно улыбнулся этой нелепой эклектике.

Сы Уцзюэ оторвал взгляд от светящегося экрана:

— Пришел?

— Не ожидал увидеть вас за компьютером, Божественный доктор, — Янь Чуаньюнь подошел ближе.

— Вот как? — доктор едва заметно усмехнулся.

— Да. До сих пор вы казались мне гостем из далекого прошлого, сошедшим со старинного свитка. А теперь, гляжу, цивилизация добралась и до вас.

«А ведь я и вправду выходец из прошлого»

Сы Уцзюэ мысленно усмехнулся и плавно закрыл крышку ноутбука.

— Завтракал? — спросил он.

— Да, дома поел. А вы?

— Тоже. Мне пора ехать в госпиталь.

— Можно мне с вами? — тут же вызвался Янь Чуаньюнь.

Сы Уцзюэ изогнул бровь:

— У тебя сегодня выходной?

— Взял отгул на полдня, — улыбнулся Чуаньюнь. — Нужно уладить кое-какие дела. На самом деле я хотел обсудить с вами один серьезный вопрос, но это терпит. Можем поговорить по дороге или после госпиталя.

Сы Уцзюэ внимательно всмотрелся в его лицо:

— Поездка подождет. Говори сейчас.

Янь Чуаньюнь не стал отпираться и подробно изложил всё, что узнал о семье Лю, особо подчеркнув их колоссальное политическое влияние и жесткие методы ведения дел.

— Их старейшина уже полгода балансирует на грани смерти. На носу выборы, а нынешний глава Лю — человек беспринципный и жестокий. Боюсь, когда они придут к вам, отказ они даже слушать не станут.

Сы Уцзюэ выслушал его молча, не сводя глаз с лица Чуаньюня:

— И что же они сделают, если я откажу? Убьют меня?

Лицо Янь Чуаньюня стало предельно серьезным:

— Прямого устранения я не жду, хотя списывать со счетов ничего нельзя. Но разрушить репутацию человека в наше время проще простого. Их методы грязны и омерзительны, и они пойдут на всё. Ваш талант уникален, Божественный доктор, и мне претит сама мысль о том, что эти стервятники могут очернить ваше честное имя.

Доктор задумчиво прикрыл глаза.

— Но вы не должны беспокоиться, — поспешно добавил Чуаньюнь. — Семья Янь костями ляжет, но защитит вас. Какими бы могущественными ни были Лю, мы не позволим им причинить вам вред. К тому же выборы на носу, они побоятся устраивать открытый скандал.

Сы Уцзюэ медленно кивнул. В глубине его темных зрачков на долю секунды вспыхнуло странное, теплое чувство, но оно исчезло так быстро, что Янь Чуаньюнь ничего не успел заметить.

— Я услышал тебя. Буду иметь это в виду, — ровно произнес Сы Уцзюэ.

Янь Чуаньюнь облегченно выдохнул.

— Раз уж ты всё рассказал, можешь ехать на работу. В госпиталь мне ехать необязательно в твоём сопровождении.

— Ну уж нет, — рассмеялся Чуаньюнь, мотая головой. — Я хочу лично взглянуть на тех двоих бедолаг после ночи. Вчера светила медицины клялись, что они и до рассвета не доживут, а сегодня они целехоньки. Хочу своими глазами увидеть кислые физиономии этих профессоров. Это зрелище я ни за что не пропущу.

В глазах Сы Уцзюэ промелькнула едва заметная, но искренняя усмешка:

— Что ж, тогда поехали.

<http://bllate.org/book/18354/1917507>